

Ф.О. Трунов©

Ph.O. Trunov

Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и США в политико-военной области при администрации Д. Трампа

Problems and prospects of the interaction of Germany and the USA in the politico-military sphere under D. Trump's administration

DOI: 10.31249/ape/2019.01.07

Аннотация. В статье исследуется процесс ослабления атлантических связей ФРГ в военно-стратегической области при президенте Д. Трампе. Рассматриваются вопросы взаимной перцепции администрации 45-го президента США и кабинета А. Меркель как партнеров по НАТО. Определяются особенности и границы взаимодействия ФРГ и США в деле борьбы с международным терроризмом и их причинная обусловленность, рассматриваются возможности для стратегического маневра Германии в условиях ослабления атлантических связей.

Abstract. The article analyses the process of the weakening of FRG Atlantic links in the military-strategic sphere during the Trump's presidency. The questions of mutual perceptions of the 45 th president's administration and Merkel's government as NATO partners are considered. The paper determines the features and borders of cooperation between Germany and the USA in the struggle with the structures of international terrorism and considers the possibilities for strategic maneuver of Germany in circumstances of weakening of the Atlantic links.

Ключевые слова: Германия, внешняя политика, Меркель, Трамп, НАТО, международная безопасность, международный терроризм.

Keywords: Germany, foreign policy, Merkel, Trump, NATO, international security, international terrorism.

В годы холодной войны в политико-военной области ФРГ находилась под влиянием США в значительно большей степени, чем другие крупные европейские страны – участницы НАТО. Поддержка со стороны США в вопросе возможного объединения Германии под эгидой ФРГ имела для официального Бонна особую важность. Кроме того, Боннская республика, располагавшаяся на «передовой» противостояния НАТО – ОВД, остро нуждалась в военной поддержке партнеров по Альянсу. Так, именно с территориями западногерманских земель и Западного Берлина были связаны несколько крупных военно-политических кризисов: два Берлинских кризиса (1948–1949; 1961) и «кризис евrorакет» (два витка в 1979 и 1982–1983 гг.). В отличие от Франции и Великобритании, Западная Германия не использовала свои вооруженные силы вне зоны ответственности Альянса, сосредоточившись на решении задач по обеспечению территориальной обороны.

После образования объединенной ФРГ (1990) в реалиях пост-биполярного миропорядка зависимость Германии от Соединенных Штатов Америки объективно уменьшилась. Одним из показателей этого стал частичный вывод войск США из германских земель. Начавшийся процесс переориентации усилий коллективного Запада с обеспечения территориальной обороны на решение проблем за пределами зоны ответственности НАТО способствовал увеличению политического веса Германии как в евро-атлантической региональной подсистеме, так и на глобальном уровне. Активно поддерживая небоевою деятельность на данном направлении (в частности, по миротворчеству и поддержанию мира), германский истеблишмент демонстрировал существенные расхождения во взглядах с официальным Вашингтоном по вопросам силового использования потенциала НАТО за пределами зоны ее ответственности. В явной форме это проявилось во время обострения обстановки вокруг Ирака (2003), в скрытой – в ходе борьбы с международным терроризмом на юге Афганистана во второй по-

ловине 2000-х годов, а также ливийского (2011) и сирийского (2013) военно-политических кризисов.

За четверть века, прошедших со времени окончания холодной войны, важной отличительной чертой межгосударственных отношений ФРГ и США стало *резкое увеличение амплитуды их колебаний*: во внешней политике Берлинской республики значительно возросло количество, а также увеличились глубина и длительность кризисов атлантической солидарности. Но даже глубокие расхождения сторон в отношении способов решения «иракской проблемы» (2003) не были столь масштабными, в том числе по своим последствиям, как сложности в диалоге между ФРГ и США при администрации Д. Трампа.

Стоит отметить, что текущий кризис разворачивается на фоне возвращения НАТО к решению задач по обеспечению территориальной обороны как ключевому приоритету в условиях стратегического ухудшения отношений Запада и России. Сохраняющееся огромное силовое и военно-экономическое преимущество США перед любой из европейских держав Альянса обуславливает их возрастающую зависимость от официального Вашингтона. Соответственно, возникает вопрос, каким образом и с какой степенью эффективности администрация Д. Трампа будет использовать данный фактор.

В этой связи *задача* настоящей статьи – исследование взаимоотношений ФРГ и США в военно-стратегической сфере в 2017–2018 гг.

Общие особенности политико-военного диалога ФРГ и США при администрации Д. Трампа

Победа Д. Трампа, в ходе своей электоральной кампании не раз подвергавшего критике институты и принципы функционирования Евро-Атлантического сообщества, на выборах президента США (8 ноября 2016 г.) стала «стратегическим шоком» для официального Берлина.

Уже 9 ноября последовало обращение канцлера А. Меркель к Д. Трампу, де-факто являвшееся квинтэссенцией подхода германского истеблишмента к вопросу взаимодействия с будущим

президентом США. Канцлер подчеркнула: «Германию и США объединяет приверженность ценностям демократии, свободы, уважения верховенства закона и человеческого достоинства вне зависимости от расы, цвета кожи, конфессиональной принадлежности, пола, сексуальной ориентации или политических воззрений» [Merkel, 2016]. Вслед за этим А. Меркель призвала будущего президента США выстраивать двух- и многостороннее сотрудничество, опираясь на данные принципы [Ibid.].

Еще одно программное заявление сделал президент Бундестага Н. Ламмерт 12 февраля 2017 г., т.е. по прошествии менее месяца с момента вступления Д. Трампа в должность. Критикуя новый курс администрации США, Н. Ламмерт подчеркнул опасность движения к изоляционизму: «Тот, кто выступает против открытости миру, стремится возвести стены, стремится от свободы торговли вернуться к протекционизму, призывает государства вместо кооперации возвратиться к самоизоляции... тот не может служить примером для восхищения и подражания» [Lammert, 2017]. Н. Ламмерт, занимавший третий по иерархии пост в политической системе ФРГ в 2005–2017 гг., был свидетелем нескольких предшествующих кризисов атлантической солидарности – в частности, кризиса, возникшего в связи с отказом Германии от военной поддержки партнеров по НАТО при планировании ими боевой операции против Ливии (2011) [Арзаманова, 2011, с. 11–13]. Поэтому жесткость его критики стала весьма значимым мерилom уровня падения взаимопонимания между двумя державами.

Заявление Н. Ламмерта отражало реакцию германского истеблишмента на первые политические шаги Д. Трампа, в первую очередь на его действия, направленные на ослабление связей США с ЕС. Так, администрация 45-го президента Соединенных Штатов «заморозила» переговоры по созданию зоны свободной торговли с Европейским союзом (Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству, ТТИП). С первых дней пребывания у власти Д. Трамп явственно демонстрировал свое стремление к развитию двусторонних отношений с фокусными государствами и к минимизации участия США в многосторонних форматах (особенно – в интеграционных структурах). Подвергая резкой критике

Европейский союз, достигший высшей (политической) стадии интеграции, президент США призывал все страны – участницы ЕС последовать примеру Великобритании, проголосовать за выход из объединения и возвратиться к внешней политике, ориентированной на национальные интересы [The Trump presidency., 2017].

Первой из мировых лидеров, совершивших официальный визит в Соединенные Штаты Америки после инаугурации Д. Трампа, стала премьер-министр Великобритании Т. Мэй, посетившая США 27 января 2017 г. И сам этот факт, и содержание переговоров, во время которых глава Белого дома выразил готовность оказывать Великобритании поддержку (в том числе военную) в прежнем объеме [PM press., 2017], указывали на то, что Д. Трамп отводит Соединенному Королевству роль своего ключевого союзника в Европе.

Напротив, первые переговоры Д. Трампа с канцлером ФРГ А. Меркель состоялись лишь 17 марта 2017 г. Интересно отметить, что эта дата совпала с третьей годовщиной вхождения Крыма в состав России. Не исключено, что дата переговоров была выбрана не случайно и свидетельствовала о стремлении Германии продемонстрировать сохранение атлантической солидарности по «украинскому вопросу», особенно на фоне отсутствия видимого прогресса в деле реализации соглашений «Минск-2» (2015). Выражая поддержку усилиям ФРГ по созданию и использованию «Нормандского формата», Д. Трамп отметил, что урегулирование вооруженного конфликта на востоке Украине является одним из основных направлений развития стратегического взаимодействия США и Германии [Joint press., 2017]. Тем не менее при достаточно высокой активности администрации Д. Трампа по украинской тематике (примером может служить, в частности, инициатива по размещению в зоне конфликта крупного миротворческого контингента под эгидой ООН [США захотели., 2017]) официальный Вашингтон не координировал свои действия с Германией. Власти США, как и следовало ожидать, не проявили готовности использовать возможности «Нормандского формата», предпочитая в еще большей степени, чем при Б. Обаме, действовать отдельно от германо-французского тандема.

Самым проблемным в политическом блоке переговоров Д. Трампа и А. Меркель стал вопрос взаимной перцепции сторон с точки зрения выполнения ими обязательств по НАТО. Еще в ходе встречи с британским премьер-министром глава Белого дома, воздержавшись от принципиальной критики Альянса, согласился в полной мере выполнять все обязательств США перед партнерами [PM press., 2017]. Свою позицию он подтвердил и во время переговоров с А. Меркель [Joint press., 2017], однако в ответ потребовал пропорционального увеличения усилий, прилагаемых европейскими странами (в первую очередь – ФРГ) в рамках Североатлантического блока. Так, со всей очевидностью имея в виду Германию, Д. Трамп с характерной для него прямолинейностью заявил: «В прошлом некоторые страны задолжали (в рамках выполнения своих обязательств по НАТО) огромные суммы денег, и это несправедливо по отношению к США. Эти государства должны выплатить свои долги» [Ibid.].

А. Меркель засвидетельствовала готовность германской стороны выполнить свои обязательства по увеличению расходов на военные цели до 2% от ВВП, согласно резолюции, принятой на Уэльском саммите НАТО [Wales summit., 2014] (что впоследствии вызвало критику со стороны СДПГ), и в подтверждение своих слов отметила, что военные расходы ФРГ выросли на 8% за год. Однако канцлер демонстративно оставила без внимания тезис Д. Трампа о «задолженности». При этом она заявила, что отношения ФРГ и США обладают огромным запасом прочности, основой которого, в частности, стали реализация «плана Маршалла» в 1947–1951 гг. (следствием чего оказалось западногерманское «экономическое чудо») и поддержка Белым домом объединения Германии под эгидой официального Бонна в 1989–1990 гг. [Joint press., 2017]. Вместе с тем, выразив благодарность Соединенным Штатам, А. Меркель напомнила о взаимозависимости всех партнеров по НАТО, и в частности о поддержке, которую Германия оказывала США в борьбе с международным терроризмом в Афганистане и Сирии. Тем самым канцлер продемонстрировала принципиальную неприемлемость обсуждения вопроса о «задолженности» ФРГ.

Несмотря на то что германский истеблишмент считает абсурдной критику Д. Трампа в адрес ФРГ, нельзя не признать, что Германия действительно несет несоизмеримо меньшую по сравнению с ее удельным экономическим весом (и политическими амбициями) финансовую нагрузку в рамках Североатлантического альянса. Для иллюстрации этого можно сравнить военные расходы ФРГ с расходами ведущих англосаксонских держав – Великобритании и США, а также Канады (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Объем военных расходов и ВВП Германии и англосаксонских держав в Североатлантическом альянсе в 2009–2016 гг.¹

1.1. Динамика расходов Германии и англосаксонских держав НАТО на военные цели (млн долл. по курсу 2016 г.)								
Страна / год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	47 469	46 255	48 140	46 470	45 932	46 102	39 813	40 663
Великобритания	58 240	60 329	62 852	58 016	62 263	65 590	59 634	60 347
Канада	19 095	18 690	22 040	19 994	18 221	18 150	15 191	15 395
США	757 466	720 423	740 744	712 947	680 856	653 942	641 253	664 058
<i>НАТО в целом</i>	<i>1 058 802</i>	<i>1 013 705</i>	<i>1 044 470</i>	<i>996 595</i>	<i>968 518</i>	<i>942 353</i>	<i>892 112</i>	<i>918 298</i>
1.2. Доля расходов Германии и англосаксонских держав НАТО на военные цели (% от общего бюджета НАТО)								
Страна / год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	4,5	4,6	4,6	4,7	4,7	4,9	4,5	4,4
Великобритания	5,5	5,9	6,0	5,8	6,4	6,9	6,7	6,6
Канада	1,8	1,8	2,1	2,0	1,9	1,9	1,7	1,7
США	71,5	71	71	71,5	70,2	69,3	71,9	72,3

¹ Рассчитано автором на основе: [Defence expenditures..., 2016, p. 4–6].

1.3. Доля ВВП Германии и англосаксонских держав НАТО (% от общего объема ВВП всех стран-участниц НАТО)								
Страна год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	10	10,2	10,4	10,4	10,3	10,3	10,2	10,2
Велико- брита- ния	7,3	7,2	7,2	7,2	7,3	7,4	7,4	7,4
Канада	4,8	4,8	4,9	5,2	5,0	5,0	5,0	5,0
США	44,8	44,9	44,8	45,4	45,6	45,8	45,9	50,0
1.4. Доля расходов Германии и англосаксонских держав НАТО на военные цели (% от ВВП каждого субъекта)								
Страна год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	1,39	1,35	1,28	1,31	1,23	1,19	1,19	1,19
Велико- брита- ния	2,51	2,51	2,42	2,20	2,30	2,20	2,09	2,21
Канада	1,39	1,16	1,23	1,10	0,99	1,02	0,98	0,99
США	5,29	4,81	4,77	4,42	4,09	3,78	3,59	3,61
НАТО в среднем	3,30	3,04	2,98	2,82	2,66	2,50	2,41	2,43

Таблица 2

**Средний объем военных ассигнований на одного жителя
в Германии и англосаксонских державах в НАТО в 2009–2016 гг.¹
(млн долл.)**

Страна год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Германия	567	576	565	581	542	533	536	542
Велико- британия	959	961	937	855	907	886	857	913
Канада	646	548	595	532	488	509	492	504
США	2 513	2 325	2 325	2 182	2 035	1 915	1 845	1 876
НАТО в среднем	1 199	1 126	1 119	1 062	1 006	961	939	958

¹ Рассчитано автором на основе: [Defence expenditures., 2016, p. 6–9].

Как видно из табл. 1, у Великобритании удельный вклад в общий бюджет НАТО и доля от общего ВВП всех стран – участниц Альянса примерно равны, а у США – первый показатель почти в 1,5 раза превышает второй. В случае Германии наблюдается ровно противоположная картина: имея второй по объему ВВП в Альянсе (свыше 10% от общего ВВП всех государств-членов), ФРГ неизменно вносила почти вдвое меньший удельный вклад в общий бюджет НАТО. Средний размер оборонных расходов на душу населения в Германии в 3,5–4 раза меньше, чем в США, и в 1,5–2 раза меньше, чем в Великобритании (см. табл. 2). При этом в 2015–2016 гг. (на начальном этапе реализации решений Уэльского саммита 2014 г.) ФРГ тратила на военные нужды лишь 1,19% от объема своего ВВП – этот показатель втрое меньше, чем у США, и вдвое меньше, чем у Великобритании. В абсолютном измерении оборонные расходы ФРГ также существенно сократились в 2015–2016 гг. по сравнению с 2014 г. (почти на 7 млрд долл. (!) в ценах 2016 г.). В определенной степени это было обусловлено существенным «подорожанием» курса евро по отношению к доллару, но основной причиной было крайне медленное продвижение Германии к достижению целей Уэльского саммита. В целом затраты США на военные цели примерно в 16 раз больше, чем у ФРГ, хотя объемы их ВВП разнятся всего в 4 раза. Бизнесмену Д. Трампу, стремящемуся к максимизации выгоды (особенно в финансовом плане), такое положение дел представляется неприемлемым.

Тем не менее практически все рассмотренные показатели военных расходов у Германии выше, чем у Канады: так, удельный вклад Канады в общий бюджет НАТО почти в 3 раза меньше, чем ее вклад по объему ВВП. Почему же в таком случае администрация Д. Трампа критикует официальную Оттаву за невыполнение обязательств перед партнерами по НАТО в значительно меньшей степени, чем ФРГ?

По мнению автора, это обусловлено, в первую очередь, тем, что Д. Трамп воспринимает Канаду как надежного стратегического союзника (как и Великобританию), в отличие от Германии. Так, именно три англосаксонские державы несли основную нагрузку во время боев с «Талибаном» и «Аль-Каидой» при осуществлении

операций первой западной антитеррористической коалиции в Афганистане. Основные силы канадского контингента были развернуты на юге афганской территории, где располагалось большинство баз и формирований боевиков. Кроме того, Канада обеспечивала функционирование части провинциальных восстановительных команд (ПВК) в этих районах Афганистана – в первую очередь, в Кандагаре [Provincial., 2016]. Германские военнослужащие, напротив, были дислоцированы в Кабуле и наиболее стабильных северных провинциях [Antrag., 2010, S. 5–7], в двух из которых (Кундуз и Бадахшан) были развернуты ПВК под руководством ФРГ [Provincial., 2016].

В ходе пресс-конференции по итогам переговоров с канцлером ФРГ Д. Трамп отдельно отметил помощь Германии в деле стабилизации обстановки в Афганистане, упомянув в том числе о 50 германских военнослужащих, погибших во время боевых действий в этой стране [Joint press., 2017]. При этом А. Меркель, как уже отмечалось, сочла нужным подчеркнуть, что Германия оказывала поддержку США не только в Афганистане, но и в борьбе с «Исламским государством» в Сирии. Кроме того, она указала на желательность координации усилий Германии и США по стабилизации ситуации в Ливии и по искоренению базирующихся на ее территории структур международного терроризма, представляющих непосредственную угрозу для ЕС [Ibid.]. В целом пресс-конференция президента Соединенных Штатов Америки и канцлера ФРГ показала, что новая администрация США стремится к изменению как качества, так и объема кооперации с ФРГ в политико-военной области.

В завершение пресс-конференции А. Меркель пригласила Д. Трампа на саммит G20 [Ibid.], который должен был состояться в Германии. Однако на этом саммите, открывшемся в Гамбурге 7 июля, лидеры двух держав не проводили отдельные переговоры, ограничившись краткой беседой на высшем уровне при встрече делегации США, что было воспринято как явный признак существенного ослабления атлантических связей. В итоговом коммюнике Гамбургского саммита нашла свое отражение разница в подходах администрации Д. Трампа, стремящейся к развитию двусторонних

связей и проведению протекционистской политики, и кабинета А. Меркель, выступившего в поддержку многосторонних форматов и расширения возможностей для свободной торговли на мировой арене [G20 Leaders., 2017].

В целом ключевую роль в развитии взаимоотношений ФРГ и США в политико-военной области играет стремление администрации Д. Трампа действовать на значимых треках без предварительной координации позиций с партнерами, в том числе с официальным Берлином.

Очередной стратегической неожиданностью для германского руководства стало решение Д. Трампа о признании Иерусалима столицей Израиля, озвученное 6 декабря 2017 г. Действия 45-го президента США шли вразрез не только с позицией европейских держав НАТО, но и с предшествующей линией самих Соединенных Штатов (в частности, в составе «ближневосточного квартета») в процессе арабо-израильского урегулирования. МИД ФРГ подверг резкой критике действия США и подтвердил, что позиция Германии неизменна: создание Палестинского государства и его мирное сосуществование с Израилем являются единственным путем урегулирования конфликта [Nach Trumps., 2017]. 22 декабря 2017 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН Германия проголосовала в поддержку резолюции с осуждением решения Соединенных Штатов и с призывом определить будущий статус Иерусалима на основе широкого международного консенсуса [Jerusalem-Status., 2017].

Особенно острую критику с германской стороны вызвало стремление властей США пересмотреть заключенную в 2015 г. «ядерную сделку» с Ираном. ФРГ проявила солидарность с Белым домом, выразившим обеспокоенность в связи с ростом влияния Исламской Республики Иран в Сирии и Ливане (чему в немалой степени способствовал выход ИРИ из международной изоляции после 2015 г.) [Bundeskanzlerin., 2017], а также изъявила готовность к политико-дипломатическому противодействию Ирану на Ближнем Востоке, в том числе опосредованному (в частности, путем углубления военно-экономического сотрудничества с Саудовской Аравией). Однако Германия полностью исключала для себя воз-

возможность выхода из «ядерной сделки», поскольку рассматривала договор с Ираном как один из крупнейших успехов в деле разоружения, достигнутых при дипломатическом участии ФРГ и ЕС. Тем более официальный Берлин был против развязывания войны с ИРИ для решения «иранской проблемы». Об этом недвусмысленно заявила канцлер А. Меркель в ходе телефонного разговора с Д. Трампом 28 сентября 2017 г. [Bundeskanzlerin., 2017], а также глава МИД ФРГ З. Габриэль на 54-й Мюнхенской конференции по безопасности (2018) [Gabriel, 2018]. В данном случае интересно отметить дату проведения телефонных консультаций сторон на высшем уровне – всего через несколько дней после проведения выборов в Бундестаг, результаты которых создали неблагоприятный для действующего канцлера расклад при формировании новой правительственной коалиции¹. Тем не менее снижения внешнеполитической активности ФРГ (на что, по мнению автора, скорее всего рассчитывала администрация Д. Трампа) в течение затяжного переходного периода не произошло.

Еще одной причиной обеспокоенности официального Берлина стал рост напряженности вокруг КНДР: А. Меркель, как и в случае с Ираном, выступила с критикой принятия военных мер, способствующих эскалации конфликта с последующей возможностью его перерастания в «горячую фазу» [Bundeskanzlerin., 2017].

Одним из немногих направлений, на котором при администрации Д. Трампа продолжилось полноценное сотрудничество двух держав в политико-военной области, стало дальнейшее расширение присутствия вооруженных сил США (в первую очередь, тяжелой бронетехники) на территории ФРГ. Так, в 2014–2017 гг. в Германию было доставлено около 800 танков (или почти 1/3 от всего бронетанкового парка США) [Kleine Anfrage., 2015, S. 1]. Из этого числа почти 550 танков были направлены в Восточную Европу в дополнение к тяжелой бронетехнике перебрасываемой

¹ После проведения выборов в Бундестаг (24 сентября 2017 г.) блок ХДС/ХСС приступил к формированию коалиции с участием СвДП и Союза 90/Зеленых. Однако 20 ноября 2017 г. сложные переговоры закончились провалом; на этом фоне христианские демократы вновь обратились к варианту создания «большой коалиции» (союза с СДПГ).

туда 3-й танковой бригады 4-й пехотной дивизии армии США (с января 2016 г.) и сменившей ее в рамках ротации 2-й танковой бригады 1-й пехотной дивизии (с осени 2017 г.). При этом личный состав второго соединения был расквартирован на территории ФРГ с возможностью оперативной переброски к складам своей тяжелой техники в Польше и Прибалтике [Roberts, 2017]. Оставшиеся танки (свыше 250) были дислоцированы в районе гг. Манхайм и Графенвёр (юг Германии) [Kleine Anfrage., 2015, S. 7], тем самым обеспечивая возможность быстрого развертывания здесь до трех бронетанковых бригад и подразделений усиления. Одновременно осуществлялась переброска личного состава, легкой наземной и авиационной техники, но вследствие принимаемых мер по маскировке (со стороны обеих держав) отследить полный масштаб этих операций достаточно сложно.

Чем обусловлено согласие германского руководства на расширение военного присутствия США на территории ФРГ впервые за четверть века? Во-первых, эти меры усиливают потенциал войск бундесвера, предназначенных для решения задач по обеспечению территориальной обороны, состав которых был значительно сокращен с начала 1990-х годов [The Bundeswehr., 2009, p. 26–28]. Во-вторых, предоставлением своей территории для постоянного развертывания войск и военной техники США, а также для их транзита в Восточную Европу Германия «компенсирует» недостаточные темпы роста военных расходов и численности бундесвера, тем самым частично снимая поводы для критики со стороны партнеров по НАТО. Для США расширение военного присутствия на территории ФРГ не только выгодно с точки зрения укрепления своих стратегических позиций в Центральной и Восточной Европе, но и необходимо для создания резерва сил, находящихся в распоряжении Африканского командования вооруженных сил США (AFRICOM). При этом для Германии, с учетом весьма ограниченного использования бундесвера в составе сил второй западной антитеррористической коалиции, особенно важно, что штабные структуры и резервные войска AFRICOM базируются именно на ее территории.

Борьба Германии с международным терроризмом: дистанцирование от США в пользу тандема с Францией?

Д. Трамп назвал противодействие структурам международного терроризма своим главным приоритетом в сфере международной безопасности. При этом, как справедливо отмечали близкие к руководству ЕС аналитики, на данном направлении в распоряжении 45-го президента США уже имелись рабочие механизмы, созданные его предшественником [The Trump presidency., 2017], а именно: западная антитеррористическая коалиция (созданная в сентябре 2014 г. – в первую очередь для борьбы с «Исламским государством» на территориях Ирака и Сирии) и формат операции «Решительная поддержка» («Resolute Support») в Афганистане (с января 2015 г.), пришедший на смену действиям Международных сил содействия безопасности.

Германия одной из первых вошла в состав первой западной коалиции (2001–2014), созданной после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г., и выделила значительные военные силы для действий в Афганистане (в первую очередь), а также в акваториях Аденского залива, Аравийского и Средиземного морей [The Bundeswehr., 2009, p. 76, 79–80]. Но подход ФРГ к участию во второй западной (антитеррористической) коалиции стал качественно иным. В военном плане германская сторона присоединилась к деятельности коалиции лишь в декабре 2015 г. (т.е. более чем через год после ее создания), причем с двумя важными ограничениями:

– формальным основанием для вхождения Германии в состав коалиции было оказание помощи Франции (но не США) на основе 42-й статьи Договора о ЕС и 51-й статьи Устава ООН (но не НАТО) о праве на самооборону после совершения в Париже актов террора 13 ноября 2015 г. [Plenarprotokoll., 2015, S. 13876 C–13877 A];

– контингент бундесвера (формальная численность – 1,2 тыс. военнослужащих, фактическая – около 1 тыс. в 2015 г.) был предназначен для ведения воздушной и спутниковой разведки (в интересах ВВС Франции), охраны французских кораблей в Средиземном море, а также для работы в штабных структурах коалиции [Ibid.]. Иными словами, германские военнослужащие не должны

были принимать непосредственное участие в боевых действиях и в основном взаимодействовали только с войсками Франции.

При этом Германия продолжала активно участвовать в операции «Решительная поддержка» в Афганистане. Тем не менее думается, что на данном направлении действия ФРГ были обусловлены не только и не столько желанием продемонстрировать атлантическую солидарность, сколько огромными усилиями, уже затраченными на стабилизацию обстановки в Центральной Азии, а также стремлением сохранить стратегические позиции в регионе.

Следует отметить, что в первой половине 2010-х годов ФРГ начала использовать свои военные инструменты для борьбы с международным терроризмом на Ближнем Востоке, в Сахеле и на Африканском Роге независимо от США.

Во-первых, с декабря 2014 г. на основании решения ЕС в Ираке была развернута военно-тренировочная миссия бундесвера, не аффилированная со второй западной антитеррористической коалицией. Основной задачей германского контингента было обучение отрядов пешмерга и иракских правительственных войск в районе Эрбиля; кроме того, в этот регион были доставлены боеприпасы, стрелковое вооружение, амуниция и предметы военного снабжения [Antrag., 2016, S. 1, 4–8].

Во-вторых, с 2013 г. в Мали, территория которого оказалась под угрозой полного захвата восставшими племенами туарегов и террористическими группировками («Ансар-ад-Дин», «Аль-Каида в Исламском Магрибе»), были развернуты германские контингенты в составе двух миссий:

– МИНУСМА (Mission multidimensionnelle intégrée des Nations Unies pour la stabilisation au Mali, MINUSMA) – миссия, действующая под эгидой ООН с целью выполнения задач по миротворчеству и поддержанию мира в тех регионах страны (особенно на севере), которые были очищены от крупных террористических подразделений в результате военной операции Франции «Сервал»; показательно, что фактическая численность германского контингента в составе МИНУСМА возросла от 100 до почти 1000 военнослужащих; помимо прочего, в их распоряжение была

передана группировка беспилотников-разведчиков [Die Stabilisierungsmission., 2018];

- EUTM Mali (European Union Training Mission in Mali) - военно-тренировочная миссия ЕС, целью которой является переобучение и переформирование малийских вооруженных сил, повышение их боеспособности для ведения борьбы с международным терроризмом [Ibid.].

В рамках своего участия в деятельности МИНУСМА Германия в 2017 г. создала в нигерийской столице (г. Ниамей) военно-воздушную базу (предназначенную в том числе для использования дронов) [Ibid.]. При этом в Нигере был развернут также контингент войск США (до 800 военнослужащих и группировка беспилотных летательных аппаратов) [Watson, 2017], однако его взаимодействие с бундесвером на тактическом уровне не было институционализировано.

Наконец, в-третьих, с 2010 г. военнослужащие бундесвера в составе военно-тренировочной миссии Европейского союза EUTM Somalia (European Union Training Mission in Somalia) занимались переподготовкой сомалийской правительственной армии. И в данном случае их действия также не координировались деятельностью американского войскового контингента, ведущего непосредственную борьбу с террористической группировкой «Аш-Шабаб» в Сомали.

Таким образом, на большинстве направлений борьбы с международным терроризмом в Африке и на Ближнем Востоке ФРГ использует свои военные инструменты *отдельно от США*. Эта тенденция наметилась еще при администрации Б. Обамы, но в период президентства Д. Трампа стала гораздо более заметной. Как видно из табл. 3, фактическая численность германского контингента на ключевом направлении деятельности второй западной антитеррористической коалиции (Сирия и Ирак) вчетверо (!) ниже установленного «потолка». При этом на остальных направлениях, где на военно-тактическом уровне ФРГ действует отдельно от США, показатели численности германского контингента достаточно близки к «потолку» (особенно в Мали).

Численность миссий бундесвера по борьбе с международным терроризмом (по состоянию на февраль 2018 г.)
[Einsatzzahlen., 2018]

Миссия, страны	Фактический численный состав (человек)	Формальный «потолок» состава миссии (человек)
MINUSMA (Мали)	979	1 000
EUTM Mali (Мали)	159	300
EUTM Somalia (Сомали)	8	20
Борьба с ИГ (Ирак, Сирия)	299	1 200
Тренировочная миссия в Ираке	137	150
«Решительная поддержка» (Афганистан)	963	980

Данная тенденция показывает растущую заинтересованность ФРГ в дистанцировании от США в вопросах использования своих вооруженных сил за пределами зоны ответственности НАТО.

Возможности стратегического маневра Германии в условиях ослабления ее атлантических связей

Снижение уровня и уменьшение масштаба кооперации с Соединенными Штатами Америки, особенно в политико-военной области, создало для Германии определенные проблемы, но при этом дало ей существенные преимущества, объективно способствуя укреплению позиций ФРГ как нового центра притяжения внутри евро-атлантической региональной подсистемы. В ходе становления (после окончания Второй мировой войны) и дальнейшего развития евро-атлантической кооперации США традиционно играли роль неоспоримого лидера в деле распространения западных демократических ценностей. В частности, возведение на их основе политической архитектуры Боннской республики было осуществлено во многом благодаря усилиям Соединенных Штатов.

Однако избрание президентом Д. Трампа, который (особенно в первый год пребывания у власти) действовал, не считаясь со сложившимися принципами западной политической культуры,

существенно ослабило идеологические позиции Вашингтона как мирового центра демократии. Напротив, последовательно отстаивающая либеральные ценности ФРГ, будучи главным апологетом ЕС – наиболее зрелого интеграционного объединения, созданного Западом, – в настоящее время позиционирует себя как новый «бастيون» защиты демократических свобод.

Два «стратегических шока», которыми для Европейского союза стали положительный исход референдума в Великобритании о выходе из ЕС (май 2016 г.) и победа Д. Трампа на выборах президента США (ноябрь 2016 г.), дали мощный импульс углублению кооперации внутри объединения. При этом именно Германия (совместно с Францией) возглавила данный процесс, рассматривая его в качестве компенсации ослабления атлантических связей.

В этой связи показательна расстановка приоритетов ФРГ во внешней политике, озвученная министром иностранных дел З. Габриэлем на 54-й Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2018 г.:

- 1) укрепление Европейского союза, в том числе повышение слаженности действий его стран-участниц;
- 2) развитие кооперации между США и ЕС как двумя составляющими Евро-Атлантического сообщества [Gabriel, 2018].

З. Габриэль подчеркнул, что ни один из акторов на международной арене – не только Россия и Китай, но и США – не должен стремиться к расколу ЕС [Ibid.] Таким образом, глава МИД ФРГ де-факто осудил курс администрации Д. Трампа на обструкцию объединения и минимизацию взаимодействия с ним. З. Габриэль также обратил внимание на необходимость равноправных отношений между США и Европейским союзом [Ibid.].

Весьма показательна также инициатива германо-французского тандема по запуску платформы PESCO (Permanent Structured Cooperation), протокол о создании которой был подписан 13 ноября 2017 г. Главной политической целью нового формата является углубление военного (в том числе военно-технического и управленческого) сотрудничества между странами – участницами ЕС. При этом с целью повышения привлекательности новой структу-

ры большинство решений в PESCO (кроме вопросов, связанных с прекращением членства и принятием новых стран-участниц) принимается по принципу консенсуса (как в НАТО). Каждое государство – член PESCO имеет право создать любое количество проектных комитетов для разработки наиболее значимых и перспективных для себя направлений [Permanent., 2018]. С одной стороны, это обеспечивает формату PESCO определенную гибкость, но с другой – отсутствие жесткой внутренней структуры выступает тормозом на пути развития данной инициативы и ограничивает масштабы ее использования. Превратиться в зрелый механизм в сфере международной безопасности PESCO сможет лишь в долгосрочной перспективе.

После победы на президентских выборах в Соединенных Штатах Америки Д. Трампа на большинстве направлений взаимодействия Германии с США в военно-стратегической области наблюдалось ослабление атлантических связей. В том, что касается развития НАТО, главным «камнем преткновения» стал вопрос о необходимости принятия Германией соразмерной с США (и Великобританией) удельной финансовой нагрузки (исходя из объемов ВВП). Продолжением наблюдаемой кооперации сторон в деле расширения военного присутствия США в Центральной и Восточной Европе могут стать требования администрации Д. Трампа по наращиванию парка вооружений и военной техники, а также увеличению численности личного состава бундесвера и объемов его использования под эгидой Альянса. Однако, наращивая свой военный потенциал, ФРГ не намерена согласовывать скорость данного процесса с требованиями Белого дома. Такого рода препятствия делают маловероятным возврат сторон к качеству и объемам сотрудничества, осуществлявшимся на базе НАТО до 2016 г. и тем более – в период холодной войны. Косвенное подтверждение этому – интенсификация усилий ФРГ по углублению военной кооперации на базе ЕС.

Последовательно продолжая свою предшествующую политику, Германия выступает не только против одностороннего инициирования решений о проведении боевых операций (например,

в случаях с ИРИ и КНДР), но и в целом против принятия любых решений по острым военно-политическим проблемам без согласования с партнерами. Одним из следствий углубившегося в период президентства Д. Трампа несогласия Германии с США в вопросах использования военных инструментов за пределами НАТО стало преимущественное использование бундесвера для борьбы с международным терроризмом в обход второй западной антитеррористической коалиции.

В целом Германия, очевидно, будет стремиться к тому, чтобы выступить в роли нового, отличного от США центра притяжения в евро-атлантической региональной подсистеме. Главными особенностями «германской» модели будут сдержанность в вопросах проведения собственно боевых операций и стремление к сплочению «ядра» стран – участниц ЕС в качестве равноправного Соединенным Штатам Америки полюса притяжения, в том числе в идеологическом плане.

Список литературы

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы / РАН. ИНИОН. – М., 2011. – № 26 (42). – С. 11–15.

США захотели разместить в Донбассе 20 тысяч миротворцев // Lenta.ru. – М., 2017. – 10.11. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/11/10/donbass/> (Дата обращения – 30.07.2018).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 1890 (2009) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen. – Berlin, 2010. – 09.02. – 8 S. – (Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode; Drucksache 17/654. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/006/1700654.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Region Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. – Berlin, 2016. – 06.01. – 8 S. – (Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/7207). –

Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/072/1807207.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

Bundeskanzlerin Merkel telefonierte mit dem amerikanischen Präsidenten Donald Trump // Bundesregierung. – Berlin, 2017. – 28.09. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilung/BPA/2017/09/2017-09-28-bkin-telefonat-trump-breg.html> (Дата обращения – 30.07.2018).

Defence expenditures of NATO countries (2009-2016): Press release / NATO. – Brussels, 2016. – 04.07. – 11 p. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Die Stabilisierungsmission in Mali (MINUSMA) / Bundeswehr. – Berlin, 2018. – 07.05. – Mode of access: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/mali/info/ (Дата обращения – 30.07.2018).

Einsatzzahlen: Die Stärke der deutschen Kontingente / Bundeswehr. – Berlin, 2018. – 26.02. – Mode of access: https://web.archive.org/web/20180307163505/https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/einsaetze/ueberblick/zahlen!/ut/p/z1/04_Sj9CPykyssy0xPLMnMz0vMAfJjo8zinSx8QnyMLI2MXIKDnQ0cQ13NQl2DHY0NzMz0wwkpiAJKG-AAjgb6 wSmp-pFAM8 xxmuELVKQfpR-ViViWWKFXkF9 UkpNaopeYDhKhfmgRgy15 KTmpAfriJRKAg N6 LcoNxREQC-OoUy/dz/d5/L2 dBISEvZ0 FBIS9 nQSEh (Дата обращения – 30.07.2018).

G20 Leaders' declaration: Shaping an interconnected world. – Hamburg, 2017. – 08.07. – 15 p. – Mode of access: www.g20.utoronto.ca/2017/2017-G20-leaders-declaration.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Gabriel S. Rede bei der Münchner Sicherheitskonferenz / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2018. – 17.02. – Mode of access: <https://www.auswaertigesamt.de/de/newsroom/rede-muenchner-sicherheitskonferenz/1599848> (Дата обращения – 30.07.2018).

Jerusalem-Status im Dialog klären / Bundesregierung. – Berlin, 2017. – 22.12. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2017/12/2017-12-06-nahost-konflikt-jerusalem.html> (Дата обращения – 30.07.2018).

Joint press conference with President Trump and German Chancellor Merkel / The White House. – Wash., D.C., 2017. – 17.03. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-press-conference-president-trump-german-chancellor-merkel/> (Дата обращения – 30.07.2018).

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth,

Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion die Linke: Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. – Berlin, 2015. – 14.07. – 8 S. – (Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode; Drucksache 18/5604). – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/056/1805604.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

Lammert N. Rede von Bundestagspräsident zur Eröffnung der 16. Bundesversammlung am 12. Februar 2017 im Reichstagsgebäude in Berlin / Deutscher Bundestag. – Berlin, 2017. – 12.02. – Mode of access: <http://www.bundestag.de/parlament/presidium/reden/2017/003/492714> (Дата обращения – 30.07.2018).

Merkel A. Pressestatement zum Ausgang der US-Präsidentschaftswahl / Bundeskanzlerin. – Berlin, 2016. – 09.11. – Mode of access: – <https://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2016/11/2016-11-09-statement-merkel-us-wahlen.html> (Дата обращения – 30.07.2018).

Nach Trumps Jerusalem-Entscheidungen: Deutschland steht zur Zwei-Staaten-Lösung / Auswärtiges Amt. – Berlin, 2017. – 07.12. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkt/nahermittlererosten/-/1003376> (Дата обращения – 30.07.2018).

Permanent Structured Cooperation (PESCO): Deepening defence cooperation among EU Member States / European Union External Action. – Brussels, 2018. – 22.06. – 4 p. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/pesco_factsheet_22-06-2018_2.pdf (Дата обращения – 30.07.2018).

Plenarprotokoll 18/142: Stenografischer Bericht // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode, 142. Sitzung. – Berlin, 2015. – 02.12. – S. 13875–13930. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18142.pdf> (Дата обращения – 30.07.2018).

PM press conference with US President Trump / UK Government. Prime Minister's office. – L., 2017. – 27.01. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-conference-with-us-president-donald-trump-27-january-2017> (Дата обращения – 30.07.2018).

Provincial Reconstruction Teams (PRTs): Overview / Institute for the study of war (ISW). – Wash., D.C., 2016. – Mode of access: <http://www.understandingwar.org/provincial-reconstruction-teams-prts> (Дата обращения – 30.07.2018).

Roberts R. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // Independent. – L., 2017. – 16.09. – Mode of access: <http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-ga>

mes-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html (Дата обращения - 30.07.2018).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad / Federal ministry of defense. - Berlin, 2009. - 120 p.

The Trump presidency: Policy outlook, scenarios and possible implications for the EU / European Commission. - Brussels, 2017. - 14.02. - Mode of access: <https://ec.europa.eu/epsc/publications/other-publications/trump-presidency> (Дата обращения - 30.07.2018).

Wales summit declaration / NATO. - Newport, 2014. - 05.09. - Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения - 30.07.2018).

Watson K. Where does the US have troops in Africa, and why? // CBS news. - N.Y., 2017. - 21.10. - Mode of access: <https://www.cbsnews.com/news/where-does-the-u-s-have-troops-in-africa-and-why/> (Дата обращения - 30.07.2018).